

*Детские годы
Софьи Васильевны
Ковалевской*

*Проект ученика 6 класса
Власенкова Антона*

Софья Ковалевская родилась 3 (15) января 1850 года в Москве

**Её отец,
артиллерийский
генерал Василий
Корвин-
Круковский
занимал
должность
начальника
арсенала. Мать,
Елизавета
Шуберт, была на
20 лет моложе
отца**

**Когда Соне было шесть лет, отец вышел в отставку и
поселился в своём родовом имении Полибино, в
Витебской губернии**

- В 1890 году С.В. Ковалевская написала книгу, в которой рассказала о своих детских воспоминаниях. Эти воспоминания легли в основу данной работы

Софья Ковалевская

**ВОСПОМИНАНИЯ
ДЕТСТВА**

ozon.ru

Соображая теперь, я думаю, что мне было тогда года два-три и что происходила эта сцена в Москве, где я родилась. Отец мой служил в артиллерии, и нам часто приходилось переезжать из города в город, следуя за ним по делам его службы.

Сколько-нибудь связные воспоминания начинаются у меня лишь с того времени, когда мне было лет пять и когда мы жили в Калуге. Нас было тогда трое детей: сестра моя Анюта была лет на шесть меня старше, а брат Федя года на три моложе.

Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоит няне стать на стул, и она свободно достаёт рукою до потолка. Мы все трое спим в детской; были толки о том, чтобы перевести Анюту спать в комнату её гувернантки, француженки, но она не захотела и предпочла остаться с нами

Что касается нас, младших детей, то отношение отца к нам ограничивалось тем, что при встрече с нами он справлялся у няни, здоровы ли мы, ласково щипал нас за щеки, чтобы убедиться, плотненькие ли они у нас, и иногда брал нас на руки и подбрасывал кверху. В торжественные дни, когда отец отправлялся куда-нибудь на официальное представление и облакался в полную парадную форму, с орденами и звездами, нас призывали в гостиную «полюбоваться на папашу в параде», и это зрелище доставляло нам необычайное удовольствие; мы прыгали вокруг него, хлопая в ладоши от восторга при виде его сияющих эполет и орденов

Иногда заглянет к нам в детскую мама. Когда я вспоминаю мою мать в этот первый период моего детства, она всегда представляется мне совсем молоденькой, очень красивой женщиной. Я вижу ее всегда веселой и нарядной. Чаще всего вспоминается она мне в бальном платье, декольте, с голыми руками, со множеством браслетов и колец. Она собирается куда-нибудь в гости, на вечер, и зашла проститься с нами.

Иногда и я испытываю желание приласкаться к маме, взобраться к ней на колени; но эти попытки как-то всегда оканчиваются тем, что я, по неловкости, то сделаю маме больно, то разорву ей платье и потом убегу со стыдом и спрячусь в угол. Поэтому у меня стала развиваться дикость по отношению к маме, и дикость эта еще увеличивалась тем, что мне часто случалось слышать от няни, будто Анята и Федя - мамины любимчики, я же - нелюбимая.

Не вовремя она родилась, моя голубушка, вот что! - говорит няня полушепотом.- Барин-то наш почитай что накануне самого ее рождения в Английском клубе проигрались, да так, что все спустили — барынины брильянты пришлось закладывать! Ну, до того ли тут было, чтобы радоваться, что бог дочку послал! Да к тому же и барину, и барыне непременно сына хотелось.

Барыня, бывало, все говорит мне: "Вот увидишь, няня, будет мальчик!" Они все и приготовили как следует мальчику: и крестик с распятием, и чепчик с голубенькой ленточкой,- ан нет, вот поди! - родилась опять девочка! Барыня так огорчилась, что и глядеть на нее не хотели, только уж Феденька их потом утешил.

Благодаря подобным рассказам во мне рано развилось убеждение, что я нелюбимая, и это отразилось на всем моем характере. У меня все более и более стала развиваться дикость и сосредоточенность.

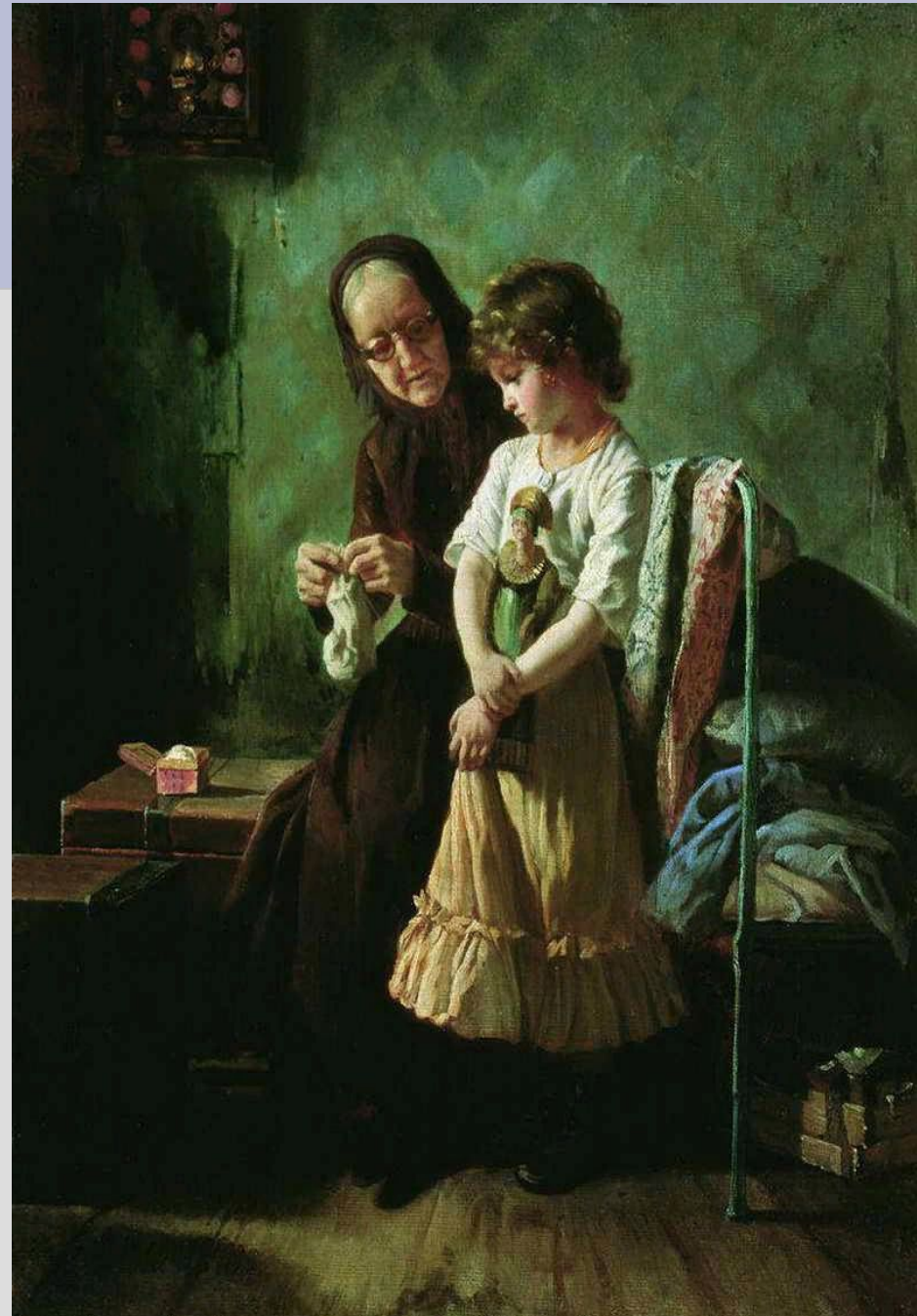
Приведут меня,
бывало, в гостиную
- я стою,
насупившись,
ухватившись
обеими руками за
нянино платье. От
меня нельзя
добиться
слова. Как ни
уговаривает меня
няня, я молчу
упорно и только
поглядываю на
всех
исподлобья,
пугливо и злобно,
как травленный
зверек,

пока мама не скажет, наконец, с досадой:

"Ну, няня, уведите вы вашу дикарку назад в детскую! С ней только стыд один перед гостями. Она, верно, свой язычок проглотила!"

Всего счастливее я бывала, когда оставалась наедине с няней. По вечерам, когда Федю уже уложат спать, а Анюта убежит в гостиную, к большим, я садилась рядом с няней на диване, прижималась к ней совсем близко, и она начинала рассказывать мне сказки. Какой глубокий след эти сказки оставили в моем воображении, я сужу по тому, что хотя теперь, наяву, я и помню из них только отрывки, но во сне мне и до сих пор, нет-нет, да вдруг и приснится то "черная смерть", то "волк-оборотень", то 12-головый змей, и сон этот всегда вызовет во мне такой же безотчетный, дух захватывающий ужас, какой я испытывала в пять лет, внимая няниным сказкам.

Вообще я была на пути к тому, чтобы превратиться в нервного, болезненного ребенка, но скоро, однако, все мое окружающее переменялось и всему предыдущему настал конец.

Началось это, кажется, с того, что мы с сестрой раз убежали из дому, заблудились, пропадали целый день, а когда нас разыскали к вечеру, мы успели объесться волчьими ягодами и проболели несколько дней

С нашей гувернанткой шутить нельзя. Телесные наказания изгнаны из нашего воспитания, но гувернантка придумала заменить их другими мерами устрашения; если я в чем-нибудь провинюсь, она пришпиливает к моей спине бумажку, на которой крупными буквами значится моя вина, и с этим украшением я должна являться к столу.

Я до смерти боюсь этого наказания; поэтому угроза гувернантки имеет способность мгновенно разогнать мой сон. Я моментально спрыгиваю с кровати. У умывальника уже ждет меня горничная с приподнятым кувшином в одной и с большим лохматым полотенцем в другой руке. По английской манере, меня каждое утро обливают водой. Одна секунда резкого, дух захватывающего холода, потом точно кипяток прольется по жилам, и затем во всем теле остается удивительно приятное ощущение необыкновенной живучести и упругости.

День начинается у меня всегда уроком музыки. В большой зале наверху, в которой стоит рояль, температура весьма прохладная, так что пальцы мои коченеют и пухнут, и ногти выступают на них синими пятнами.

Девочке для занятий наняли учителя. Единственный предмет, к которому Соня на первых занятиях с Малевичем не проявила ни особого интереса, ни способностей, была арифметика. Однако постепенно положение переменилось. Изучение арифметики продолжалось до десяти с половиной лет. Впоследствии Софья Васильевна считала, что этот период учения как раз и дал ей основу математических знаний.

Софья Ковалевская внесла огромный вклад в развитие математики не только в России, но и во всем мире. Она доказала, то что у задачи Коши существует аналитическое решение. Также решила и задачу по приведению некоторого класса абелевых интегралов третьего ранга к эллиптическим интегралам. Это был серьезный успех. Главным же успехом Софьи Ковалевской в математике, ученые называют исследования, проведенные с задачей по вращению твердого тела, вокруг неподвижной точки.

Умерла Софья Васильевна в феврале 1891 года. По дороге из Италии в Швецию, она серьезно простудилось. Простуда переросла в воспаление легких, которое закончилось летальным исходом.

**Ведь грозные боги ревнивы и строги,
Их приговор ясен, решение одно:
С того человека и взыщется много,
Кому было много талантов дано.**